

УДК 821.111-312.4

doi 10.17072/2073-6681-2023-1-129-138

**Феминизм «слабого мужчины»:
феминистский дискурс в романе Т. И. Кинси
«Леди на сельской ярмарке»**

Тарас Вячеславович Рыбин

магистрант кафедры зарубежной литературы

Казанский (Приволжский) федеральный университет

420056, Россия, г. Казань, ул. Татарстан, 2. rybint@internet.ru

SPIN-код: 6635-6070

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1193-7555>

ResearcherID: GOV-7122-2022

Екатерина Владимировна Зуева

к. филол. н., доцент кафедры зарубежной литературы

Казанский (Приволжский) федеральный университет

420056, Россия, г. Казань, ул. Татарстан, 2. zuevaekaterina@mail.ru

SPIN-код: 5700-2915

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8273-8855>

ResearcherID: E-1265-2015

*Статья поступила в редакцию 28.09.2022**Одобрена после рецензирования 22.10.2022**Принята к публикации 01.12.2022***Информация для цитирования**

Рыбин Т. В., Зуева Е. В. Феминизм «слабого мужчины»: феминистский дискурс в романе Т. И. Кинси «Леди на сельской ярмарке» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2023. Т. 15, вып. 1. С. 129–138. doi 10.17072/2073-6681-2023-1-129-138

Аннотация. Исследуя такое понятие, как национальная идентичность, важно обращать особое внимание на те ее аспекты, которые имеют тенденцию изменяться со временем. Одним из таких аспектов сегодняшней британской идентичности является взгляд современных британцев на мужественность и женственность. Данный взгляд отражается, в том числе, в современной британской литературе, при изучении которой неоднократно замечена преобладающая роль феминистского дискурса там, где авторы выражают свое отношение к понятиям «мужское» и «женское». В настоящей статье это явление рассматривается на примере анализа романа Т. И. Кинси «Леди на сельской ярмарке» на предмет присутствия в нем выраженного взгляда на маскулинность и фемининность. В процессе работы были определены следующие проявления феминистского дискурса в упомянутом произведении. Во-первых, в романе присутствует типичная для феминистской литературы антиномия «сильная женщина» – «слабый мужчина». Данное противопоставление выражается через изображение мужских образов как ущербных и неполноценных, на фоне которых противоположно описываемые женские образы выглядят еще более самодостаточными и сильными. Кроме того, в романе ярко выражен образ «новой женщины», феминистский образ прогрессивной женщины эдвардианской эпохи. Также феминистскую тенденциозность романа можно видеть и в построении системы образов. С учетом факта принадлежности автора мужскому полу, все перечисленное позволяет полагать, что феминистская парадигма является доминирующей среди британских писателей вне зависимости от их пола.

Ключевые слова: британская литература; маскулинность; фемининность; феминизм; феминистский дискурс; новая женщина; Кинси.

Глобальные перемены в современном мире, такие явления, как глобализация и мультикультурализм, придают все большую актуальность изучению вопроса о национальной идентичности. Изучая феномен современной британской национальной идентичности, исследователь неизбежно сталкивается с изменениями во взглядах британцев на то, что есть «мужское» и что есть «женское». Понятия, которые прежде были очевидными, стали размываться с принятием в обиход термина «гендер», который был использован, в частности феминистками, для удобства аргументации искусственности традиционных понятий «мужское» и «женское» и допустимости отклонений от того, что традиционно считается нормой. Для идеологов гендерной теории понятие «гендер» не имеет ничего общего с понятием природного пола и нередко противопоставляется последнему. Под «гендером» понимают «достижимый статус» или идентичность человека в соответствии с воспринятыми им мужскими или женскими качествами [Здравомыслова, Темкина 1998: 115].

В сознании западноевропейцев, в частности британцев, «гендер» уничтожил некогда неразрывную связь между мужчиной и традиционными мужскими качествами, а также между женщиной и ее природными свойствами. С разрушением этой связи смешение мужского и женского в одном человеке в современном британском обществе перестало считаться патологией и приняло на себя обличье нормы. В связи с этим для изучения британской национальной идентичности стало важным понимание отношения к таким понятиям, как «мужское» и «женское», в культуре нации на данном этапе ее развития.

Рассматривая этот вопрос через призму современной британской литературы, трудно не заметить вполне очевидную асимметрию с нарочито выраженным перевесом в сторону «женского». Примером этого может послужить существование так называемой «женской литературы», которая включает в себя «женскую прозу» и «женскую поэзию». При этом столь же ярко выраженного понятия «мужская литература» не существует. Дисбаланс очевиден, но вполне объясним неочевидностью роли женщины в историческом развитии культур стран Европы и не только. Возможно, именно стремлением заполнить этот пробел можно объяснить появление такого особого жанра, как «женская литература». Но если причины особого положения «женской литературы» в современной британской культуре объяснить несложно, то другой феномен, нарушающий равновесие, нуждается в более при-

стальном внимании. Речь идет о феминистской литературе.

В христианском европейском обществе исторически отношения полов основывались на соответствующих учениях Священного Писания. Однако по причине падения религиозности в Европе, особенно во второй половине XIX в., традиционные роли мужчин и женщин оставили себе лишь «социальное и культурное значение», которому не суждено было долго продержаться [Муслумова 2015: 117]. Начавшись с движения суфражисток в конце XIX в., феминизм по степени своего развития зарекомендовал себя как движение, разрушающее традиционные взгляды на маскулинность и фемининность. Если задача «первой волны» феминизма была преобразовать юридическую реальность жизни женщины, то «вторая волна», которую можно назвать литературной, была направлена на изменение образа мыслей людей по отношению к женщине как образу и понятию, см.: [Щербак 2020: 377]. Последовала попытка «глубинных преобразований культуры» [Муслумова 2015: 116]. Полностью отвергнув традиционные понятия о «мужском» и «женском», писательницы-феминистки принялись перекраивать образ женщины, а с ним и образ мужчины, согласно тому, что им казалось равенством. На самом же деле произошел перегиб в другую сторону: женский образ стал преподноситься как во многом превосходящий мужской образ. Согласно феминистским воззрениям, женщина должна быть человеком сильным и независимым. А еще сильнее этот образ видится будучи изображаемым на фоне слабого и всячески ущербного мужчины. На данный момент эти образы проникли глубоко в британскую культуру и, в частности, в литературу. Наглядным примером сказанного могут служить героини романа Зеди Смит «Белые зубы» Клара и Арчи Джонс. Арчи уступает Кларе сразу в двух традиционно мужских качествах: физической силе и решимости.

Часто заявляемая задача феминизма достичь баланса и равенства полов все чаще напоминает красивую ширму, за которой скрывается не столь благовидная суть данного движения: «мужчина – враг» [Koussouhon 2015: 318]. Подобного отношения писательницы-феминистки особенно не скрывали (см.: [Ouida 1894: 611]). Однако как не может быть равенства между двумя враждующими сторонами, так не может быть равенства между мужчиной и женщиной с феминистской точки зрения. Свидетельством этого могут быть часто используемые в феминистской литературе антиномичные образы. Слабой женщине проти-

вопоставляется деспотичный мужчина, а сильной женщине – мужчина недостойный, ни на что не способный, слабый телом и духом. Первая парадигма была обнаружена в романах ганской писательницы Аммы Дарко исследователем Айоделе Аллагбе и его коллегами. Вторую же подметили К. А. Берлогин и А. С. Трескина в романе Ф. Саган «Любите ли вы Брамса?». В последнем случае замечены такие эпитеты по отношению к мужчинам главной героини романа, как «слабый», «недостойный», «непонятливый», «жалкий шалопай», в то время как героиня описывается как женщина «сильная», «натура независимая» и «умная» [Берлогин, Трескина 2017]. Для данной работы важна вторая парадигма, а именно антиномия «слабый мужчина» – «сильная женщина». Стоит отметить, что термин «слабый мужчина» в данном контексте вмещает в себя все отрицательные характеристики мужских образов, ставящие эти образы по достоинствам ниже женских.

Также важным в контексте данного исследования является понятие *новой женщины*: образ женщины, появившийся в литературе еще во второй половине XIX в. Образ эксплицировал переход женщины из состояния пассивности к состоянию автономной личности, отстаивающей свое право на самоопределение [Heilmann 2008: 87]. Это был образ женщины, противопоставившей себя многим понятиям викторианского общества о женщине, о таких ее качествах, как пассивность, «домашность», зависимость, в то время как феминистский образ женщины, напротив, включает в себя такие качества и черты, как «свобода, независимость, борьба за равенство, спокойствие, карьерный рост, сила воли и самоуверенность» [Подрядова 2018: 33]. А. О. Дронова следующим образом рисует портрет «новой женщины»: «это молодая девушка, жительница большого города, самостоятельно зарабатывающая на жизнь», а внешность ее часто включает такие черты, как «короткая стрижка “букикопф”, спортивное телосложение, одежда, подчеркивающая грацию» [Дронова 2012: 170]. Можно с уверенностью сказать, что почти все выделенные характеристики служат профессиональной функциональности и работоспособности, что служит внешней манифестацией независимости женщины от мужчины. О. Ю. Анцыферова дополняет список свойств данного образа: новая женщина образована (чаще всего в колледже Гертон), она «весела, привлекательна и играет в теннис», она самостоятельно пользуется «средствами передвижения» [Анцыферова 2003].

Последнюю характеристику можно расширить и обозначить как общее стремление к ис-

пользованию различной техники, изначально считавшееся достоянием мужчин. Данную черту «новой женщины» ярко выразил Г. К. Честертон через образ Полины Стэйси в рассказе «Око Аполлона».

Когда Фламбо встретил свою соседку впервые, сухая ее стремительность и холодный пыл сильно его позабавили. Он ждал внизу лифтера, который развозил жильцов по этажам. Но девушка с соколиными глазами ждать не пожелала. Она резко сообщила, что сама разбирается в лифтах и не зависит от мальчишек, а кстати – и от мужчин. Жила она невысоко, но за считанные секунды довольно полно ознакомила сыщика со своими воззрениями, сводившимися к тому, что она – современная деловая женщина и любит современную, дельную технику. [Честертон 1990: 358]

Как видно, для Полины даже такое средство передвижения, как лифт, служит важным символическим выражением ее независимости от мужчин. При этом Честертон проводит параллель между «деловой женщиной» (*working woman*) и «дельной техникой» (*working machinery*) [Chesterton 1911: 263]. Смысл данной параллели можно видеть в том, что работающей, а значит, независимой от мужчины женщине свойственно иметь дело с техникой, позволяющей работающей женщине быть более эффективной и подчеркивающей ее независимость. Подобные свойства «новой женщины» были выявлены Е. В. Костиной в романе Г. Джеймса «Дэзи Миллер». По словам исследовательницы, «явственно проглядывает ее [героини] превосходство над окружающими: она жила свободно, доверчиво, упорно отстаивая независимость» [Костина 2008: 314]. В итоге «новая женщина» характеризуется образованностью, позитивным настроением, спортивностью, силой тела и духа, независимостью и склонностью к обладанию и непосредственному использованию техники и является противоположностью так называемой *Sow-woman*, пренебрежительный термин, который «новая женщина» ассоциирует с материнством и другими традиционными женскими свойствами [Ouida 1894: 616].

Помимо вышеупомянутого, характерным для феминистского дискурса и важным для настоящей работы является наделение женских образов мужскими качествами, а мужских – женскими, в результате чего происходит смешение традиционных характеристик обоих полов.

Произведение Т. И. Кинси «Леди на сельской ярмарке» является для данной работы особенно интересным *материалом*, поскольку выражает

взгляд современного британского писателя на маскулинность и фемининность. Присутствие явных признаков феминистского дискурса в романе подтверждает то, что этот дискурс не ограничивается «женской литературой». Несмотря на свою «женоцентричность», данное произведение всё же нельзя отнести к «женской литературе». Причина этого заключена не только в принадлежности автора к мужскому полу. В тексте романа отсутствуют все основные общепринятые свойства «женского письма». Нет в романе ни откровений женщины о «своем теле и сексуальности», ни размышлений о своем личном «опыте женской жизни», ни прямых противопоставлений мужского мира женскому [Жданова 2020: 36]. Также нельзя сказать, что язык романа «эмоционален и изобилует метафорами», чем, по замечанию Ю. Н. Галатенко, характеризуется «женское письмо» [Галатенко 2017: 86]. Наконец, нарративная, а не эмоциональная последовательность событий в романе завершает характеристику вполне «мужского письма» Кинси.

Использование феминистского дискурса писателем-мужчиной, выражающееся в изображении главной героини как женщины сильной, независимой и во многом мужеподобной, указывает на то, какой именно английская женщина эдвардианского периода видится современному британскому автору. В то же время, рисуя мужчин слабыми и во многом ограниченными по сравнению с окружающими их женщинами, Кинси создает некий фон, на котором женские образы выглядят еще более во многом превосходящими мужчин. Все это позволяет сделать вывод, что феминистский дискурс становится достоянием не только ограниченного общества по-особенному думающих женщин, но и британского общества в целом, вне зависимости от половой принадлежности. Проникновение феминистских образов в неженскую литературу позволяет говорить о «сильной женщине» как о новом стандарте и образце для подражания, к которому стремятся новые поколения девушек и который не отталкивает от себя новое поколение британских мужчин. По крайней мере именно такой неотъемлемой частью британской национальной идентичности эти образы видятся через призму произведения Кинси и ему подобных.

Цель данной работы – анализ романа с точки зрения соотношения понятий «мужское» и «женское», в то время как основной задачей является демонстрация преобладания феминистского дискурса в романе Кинси, выражающегося:

- через асимметрию «мужского» и «женского» с перевесом в сторону «женского» в описа-

нии характеристик мужских и женских образов в романе;

- особенности системы образов в романе;
- характеристики основных женских образов в романе.

Поскольку работ, изучающих данное произведение с подобными целями и задачами на данный момент найти не удалось, предлагаемое исследование вполне может претендовать на некоторую научную новизну.

Анализ романа стоит начать с того, что вышеупомянутая парадигма «слабый мужчина» – «сильная женщина» в нем выражена ярко и даже навязчиво. Преобладание «женского» над «мужским» в тексте можно видеть в описаниях качеств мужских и женских образов. Несложный статистический анализ экспозиционной части романа и содержащихся в ней описательных и коннотативных характеристик мужских и женских образов показывает очевидный дисбаланс в пользу последних. Из четырех с половиной десятков найденных описаний разных мужских персонажей лишь два являются сколько-нибудь положительными. Остальные же сорок три – откровенно отрицательные и уничижительные. Ниже представлены некоторые избранные примеры. Могг, управляющий Леди Фарли-Страуд, описывается как «тощий мужчина» с «легким косоглазием» [Кинси 2020: 19]. Владелец магазина представляется «невысоким, кругленьким, со щеками как яблочки...» и настолько слабым телом, что «с трудом вытащил» и «поставил на прилавок» стойку для зонтиков, которую после покупки, по-видимому, без особого труда, несла Мот, горничная Леди Фарли-Страуд [там же: 27]. Хозяин бара, Ронни, настолько пуглив, что «аж подпрыгнул», когда Леди Фарли-Страуд громко поздоровалась с ним. Ланселот Трибли назван «коротышкой» [там же: 34]. Своего старого друга, полковника Джоржа Даулиша, Леди Хардкасл называет «мальчиком», с которым «придется серьезно поговорить» [там же: 37]. Местный врач назван «довольно дряхлым стариком». Местные полицейские – «хорошие ребята, но вот мозгов им Бог не дал». О докторе Мантерфилде говорят как о «старом чудаке». Водитель Берг – пассивный лентяй, который «с удовольствием предвкушает день ничегонеделанья» [там же: 63]. Но самых выразительных эпитетов удостоился Спенсер Кэредайн – жертва отравления. Его именуют, кроме всего прочего, «несчастливым старым скрягой» и «старым козлом», который только и делал, что «собачился» со всеми вокруг [там же: 60, 77, 67]. Если взять все приведенные примеры вместе с образом инспектора, благого-

вещающего перед сравнительно не очень талантливой дилетанткой Леди Хардкасл, то общая картина маскулинности в романе представляется довольно ущербной и вполне соответствует вышеобозначенному понятию «слабый мужчина».

В свою очередь большинство женских образов, напротив, описаны скорее положительно. При этом многие качества, которыми в романе наделены женщины, традиционно принято считать мужскими. Женщины сильны духом. Например, Леди Фарли-Страуд изображается как «бой-баба», которая «на самом деле управляет» своим поместьем [Кинси 2020: 9, 10]. Также женщины сильны и телом. Так, сила служанки заведения, «с которой она грохнула поднос со всеми тарелками... впечатляла» [там же: 34]. Примечательно еще и то, что когда автор пишет о свойстве, общем для мужских и женских образов, то это же свойство у мужчин подается с отрицательными ассоциациями, а у женщин – с положительными. Например, мужская спортивность ассоциируется с такими явлениями, как «потные мужики в регбийной форме», неприличные анекдоты, непристойное пение, и пьянство [там же: 165]. В то же время спортивность Флоренс Армстронг подается в более позитивном ключе. Например, именно ее юношеское увлечение регби позволило ей заслужить доверие и уважение большинства завсегдатаев регбийного клуба. Таким образом, одно и то же свойство подается автором в качестве выражения то мужской ущербности, то женской силы.

Особенно очевидно феминистский дискурс проявляется через образы главных героинь романа – Леди Хардкасл и ее горничной, Флоренс Армстронг. Леди Эмили Хардкасл, имя которой, подобно кеннингу, выражает ее маскулинность (*hard castle* – «крепкий замок»), примечательна с двух точек зрения. Во-первых, Эмили является ярким образом «новой женщины» эдвардианской эпохи. Все вышеупомянутые характеристики нашли свое место в образе Леди Хардкасл. Главная героиня, выпускница женского колледжа в Кэмбридже, детектив-любитель, неспешно прогуливается по страницам романа с хорошим настроением, бодрым духом и «озорным весельем» [там же: 35]. Расследуя сразу три преступления, Эмили демонстрирует уверенность в своих силах и своей правоте. Некоторым несогласным с ней она намекает на возможность физического воздействия на них, а мистеру Снелсону «одного взгляда леди Хардкасл хватило для того, чтобы он заткнулся» [там же: 308]. Ни разу в романе Леди Хардкасл не выразила страха или опасения за свою безопасность. Она готова вступить в бой

тостью с коровами, защищая свою горничную. О своем ранении она говорит как о «полученном на поле битвы», а о ее прошлой деятельности говорится как о «службе плаща и кинжала» [там же: 107, 276].

Вдова Леди Хардкасл проявляет свою независимость везде, где это возможно. Она не только не позволяет ухаживать за ней шоферу, но и в конце концов покупает личный автомобиль, которым, вопреки всем устоям викторианского общества, она учится управлять самостоятельно и обучает этому свою горничную. Таким образом, Эмили Хардкасл по всем характеристикам соответствует образу «новой женщины», женщины, отринувшей викторианскую концепцию «истинной женственности» и хранительницы «домашнего очага» [Метлова 2014: 2008].

Помимо свойств «новой женщины», Леди Хардкасл обладает и другими чертами, которые традиционно принято считать мужскими. Во-первых, Леди груба и ругается как последний сапожник. Проживает она в условиях, которые сама называет «спартановскими», и страдает свойственной мужчинам неряшливостью [там же: 41]. Эмили склонна к интоксикации, а проще говоря, она намного более равнодушна к бренди, чем это приличествовало английской леди ее времени, чем часто удивляет равных себе по классу. При этом Леди Хардкасл не стесняется своей привычки и неоднократно рекомендует окружающим следовать ее примеру.

Не менее интересен образ горничной Леди Хардкасл – Флоренс Армстронг. Играя роль рассказчика, Фло занимает интересную позицию в романе. Во всем вторя своей хозяйке, она как бы указывает читателю на нее как на образец для подражания. Подобный прием используется во многих обществах и организациях, где важна субординация и используется эффект подражания. В таких случаях нередко присутствуют посредники, показывающие пример подражания. Например, в армии сержант слушается своего офицера и тем показывает пример подражания рядовым. В семье старший ребенок слушается и подражает родителям и тем подает соответствующий пример младшим детям. Известный деятель искусства имеет своих особенных поклонников, которые могут заразить своей любовью к их кумиру других людей, и так далее. Функцию образа Флоренс можно подытожить следующим образом: «делай как я; будь такой, как моя Леди». Флоренс старается не отставать от своей госпожи ни в чем. Она смелая и сильная: упоминаются случаи, когда Флоренс «одним ударом сломала руку убийце», а пытавшегося сбежать

мистера Трибли горничная обезвредила приемом одного из китайских боевых искусств. Фло не довольствуется ролью биографа Ватсона, но сама играет самостоятельную роль в расследованиях и не всегда сразу докладывает миледи о своих находках. Фло – спортсменка, и ее спорт самый что ни на есть мужской – регби. Наконец, горничная полностью разделяет любовь своей хозяйки к бренди. Обе женщины прекрасно чувствуют себя в самом грубом мужском обществе со всеми его атрибутами. Они принимаются мужской компанией как свои, даже когда подается портвейн и жены традиционно оставляют своих супругов в сугубо мужской компании. Подражая своей хозяйке практически во всем, горничная Фло стирает и социальную границу между представительницей высшего класса Леди Хардкасл и читателем, показывая тем самым, что всякий может быть таким, как ее хозяйка, вне зависимости от социального статуса. Если интеллектуальная ограниченность доктора Ватсона подчеркивала недостижимость обычным человеком гения Холмса, то разносторонняя развитость Флоренс, напротив, демонстрирует то, что при желании всякая женщина может стать такой же сильной, независимой, грубой и мужеподобной, как Леди Хардкасл.

Наличие у главных героинь и некоторых второстепенных женских персонажей мужских качеств само по себе также является существенным элементом феминистского дискурса. Заявив о том, что женственность придумана мужчинами, идеологи феминизма тем самым аннулировали привычные определения женственности и мужественности, а также присущих им свойств. Такие свойства, как физическая сила, храбрость, стремление защищать слабых, с феминистской точки зрения перестали считаться мужскими по умолчанию, а стали как бы нейтральными и доступными для всех. В силу этого в таких персонажах, как Леди Хардкасл и ее горничная, которые все еще носят видимые признаки женственности, происходит смешение традиционных свойств, когда к женственности подмешивается маскулинность. При этом часто мужские образы наделяются различного рода ущербностью, что делает еще более четким контраст между образом «сильной женщины» (Эмили Хардкасл) и образом «слабого мужчины» (почти все мужские образы в романе), а на фоне слабых мужских образов «сильная женщина» видится еще более сильной.

В дополнение стоит отметить, что асимметрия «мужского» и «женского» также проявляется в построении системы образов произведения.

В романе расследуются три преступления: убийство, кража и мошенничество. Несмотря на очевидную связь между первым и вторым и на намек на их связь с третьим, каждое преступление имеет свою парадигму участников: преступник, жертва и детектив. Детективом во всех трех случаях выступает Леди Хардкасл. Соотношения участников по принципу превосходства следующие: преступник имеет превосходство над жертвой в случае успешности преступления; детектив превосходит преступника в случае успешности расследования, а также детектив стоит над жертвой, являясь ее защитником или отомстителем. В случае с мошенничеством в романе преступниками оказываются две женщины, а их жертвой – мужчина (Нелсон Снелсон). Здесь женская сторона является превосходящей, поскольку женщина-детектив защищает мужчину от преступных действий других женщин. В двух других случаях преступниками и жертвами были мужчины. Однако с учетом того, что в роли детектива во всех случаях выступает женщина, превосходство снова на стороне женщин.

Теперь, когда присутствие феминистского дискурса в изучаемом романе можно считать вполне очевидным, стоит поставить вопрос о возможных целях, которые преследовал автор, используя этот дискурс. С одной стороны, можно видеть некоторую пародийность и ироничность, проводя параллель между героинями романа Кинси и героями повестей А. К. Дойла. Можно думать, что ирония состоит в том, что Кинси инвертирует картину, нарисованную Дойлом. В повестях и рассказах Дойла баланс «мужского» и «женского» нарушен тем, что мужчины являются главными героями и, соответственно, стоят в центре сюжета, в то время как женские персонажи остаются на периферии. Кинси делает всё с точностью наоборот. Он ставит двух героинь в центр повествования, наделяя их силой духа, ума и тела и оставляя «слабых мужчин» на заднем плане.

Возможно также видеть в феминистском дискурсе Кинси элемент сатиры. В частности, некоторую сатиричность несет в себе образ Леди Хардкасл. Как отмечает исследователь Талия Шафер, образ реальной «новой женщины» существенно отличается от литературного образа «новой женщины». Первый представляет собой женщину, отстаивающую свою независимость, занимаясь доступным в то время женщинам оплачиваемым трудом, живущую в скромном жилище, питающуюся скромной пищей, носящую скромную практичную одежду и используя

ющую велосипед как средство передвижения [Schaffer 2002: 39]. Литературный же образ был зачастую гиперболизирован и сатиричен. Так, например, Мария Корелли описывает героиню романа «Моя чудная жена!» Гонорию Маггс как физически крепкую амазонку, лишённую какой-либо чувственности, предпочитающую мужские занятия и мужскую компанию. Она настолько мужеподобна, что оказывается неспособной исполнять элементарные материнские функции [Crozier-De Rosa 2010: 240–241]. Если сопоставить Леди Хардкасл с этими двумя образами, то можно заметить вполне четкие черты именно сатиричного образа, такие как грубость нрава, физическая сила и склонность к мужской компании. Исходя из вышесказанного, можно полагать, что Кинси использует феминистский дискурс, иронизируя над неумеренностью современного феминистского мировоззрения. Впрочем, таким же справедливым может быть предположение, что Кинси иронизирует над образами А. К. Дойла крайностью женоцентричности своих романов, указывая на неумеренность мужецентричности произведений Дойла.

Ироничность и пародийность в романе видеть можно, однако были ли они в замыслах автора – утверждать на данный момент затруднительно. Дело в том, что если в России детективы Кинси воспринимаются читателями как ироничные, то англоязычные критики их к таковым не относят. И сам Кинси, и его читатели относят его книги к жанру уютного детектива – *cozy mystery* – что не обязательно подразумевает ироничность [Kinsey 2017]. Что касается пародийности, то стоит отметить, что сам Кинси в одном из своих интервью утверждает, что Фло Армстронг не основана на каком-либо персонаже или какой-либо реальной личности [Kinsey 2019]. Так что говорить о том, что Фло является прямой пародией на доктора Ватсона, не приходится. Важно также не забывать о том, что наличие напарника у главного сыщика в романе является классическим ходом в детективах, а Шерлок Холмс и доктор Ватсон стали архетипом многих пар сыщиков, таких как Томми и Таппенс Бересфорд, отец Браун и Фламбо, Лисбет Саландер и Микаэль Блумквист и др. Учитывая все вышесказанное, а также молчание самого автора о присутствии иронии или пародии в своих произведениях, можно сделать заключение, что если элементы пародии и присутствуют в романах Кинси, то настолько подспудно, что видят их далеко не все, и предназначение их – не ясно.

Итак, с точки зрения проблематики отношений между маскулинностью и фемининностью

феминистский дискурс очевидно является основой романа Кинси «Леди на сельской ярмарке». Это проявляется не только в своеобразии свойств главных героев, но и в характеристиках второстепенных персонажей. Образ «новой» английской женщины выражен в романе очень четко. Главная героиня представлена человеком жизнерадостным, бесстрашным, сильным и независимым. Особенно заметны эти качества на фоне ущербности мужских образов, описываемых нарочито отрицательно. В то же время образ Флоренс, подражающей своей хозяйке во всем, стирает социальные границы для образа «новой женщины». Такой взгляд автора-мужчины на гендерную проблематику крайне важен для лучшего понимания современной британской национальной идентичности. Этот взгляд открывает то, какой именно современный британский писатель хотел бы видеть женщину эдвардианского периода английской истории. Этот взгляд наполнен феминистским содержанием и является протестом против другого видения, традиционно сложившегося еще в викторианской Англии. Можно полагать, что автор использует феминистский дискурс, иронизируя над крайностями современного феминизма или викторианской мужецентричности, однако для того, чтобы это утверждать, оснований пока недостаточно.

Список литературы

Анциферова О. Ю. «Новая женщина»: Художественный вымысел и факт. Лики феминизма на рубеже XIX–XX вв. // Женщина в российском обществе. 2003. № 1(2). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novaya-zhenschina-hudozhestvennyy-vymysel-i-fakt-lik-feminizma-na-rubezhe-xix-hh-vv> (дата обращения: 07.08.2022).

Берлогин К. А., Трескина А. С. Своеобразие идей феминизма и любви в романе Ф. Саган «Любите ли вы Брамса?» // Язык. Культура. Коммуникации. 2017. № 2. URL: <https://journals.susu.ru/lcc/article/view/521/701> (дата обращения: 07.08.2022).

Галатенко Ю. Н. Женская литература как «гендерная маска» – к вопросу о конструировании творческого субъекта // Филология: научные исследования. 2017. № 2. С. 77–90.

Дронова О. А. Образ «новой женщины» в немецком романе (на материалах романов И. Койн «Девушка из искусственного шелка» и М.-Л. Фляйсер «Фрида Гайер» // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 2. С. 170–175.

Жданова М. О. О дифференциации понятий женская и феминистическая литература // Вест-

ник Луганского национального университета имени Тараса Шевченко. 2020. № 1(43). С. 33–37.

Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Социальное конструирование гендера // Социологический журнал. 1998. № 3(4). С. 111–122.

Кинси Т. И. Леди на сельской ярмарке / пер. с англ. А. С. Петухова. М.: Эксмо, 2020. 380 с.

Костина Е. В. Новый взгляд на «новую женщину»: повесть Г. Джеймса «Дэзи Миллер» // Вестник Мордовского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2008. № 3. С. 313–315.

Метлова Т. А. Гендерная и брачно-семейная проблематика в британской литературе о новой женщине рубежа XIX–XX вв. // Философия и культура. 2014. № 2(74). С. 204–216.

Муслумова Т. В. Феминизм: истоки, этапы развития и основные направления // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2015. № 4(28). С. 114–120.

Подрядова Д. А. Феминистский дискурс и дискурс женской идентичности в художественной литературе // Профильное и профессиональное образование в условиях современного поликультурного пространства: материалы VI Международ. науч.-практ. конф. / отв. ред. В. Б. Шаронова: Челябинск: Челяб. филиал РАНХиГС, 2018. С. 29–33.

Честертон Г. К. Око Аполлона // Избранные произведения в трех томах. М.: Худож. лит., 1990. Т. 3. 430 с.

Щербак Н. Ф. Феминизм в британской литературе: современные английские писательницы, традиции и инновации // Герценовские чтения: сб. науч. тр. СПб.: Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцина, 2020. С. 376–378.

Chesterton G. K. Eye of Apollo // The Innocence of Father Brown. New York: The Macaulay Company, 1911. 334 p.

Crozier-De Rosa S. The New Woman at Home and Abroad: Fiction, female identity and the British Empire // Europe's Expansions and Contractions / ed. by Evan Smith. Adelaide: Australian Humanities Press, 2010. P. 237–257.

Heilmann A. 'The Awakening' and New Woman fiction // The Cambridge Companion to Kate Chopin / edited by J. Beer. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. Ch. 6. P. 87–104.

Kinsey T. E. An Interview with an Author: T. E. Kinsey: an interview / by V. Mejia-Gewe // Fan Girl Nation. 2017. URL: <https://fangirlnation.com/2017/10/18/interview-with-an-author-t-e-kinsey/> (дата обращения: 08.09.2022)

Kinsey T. E. An Interview with T E Kinsey, Historic Cozy Author: an interview / by E. B. Davis // Writers Who Kill. 2019. URL: <https://writers->

whokill.blogspot.com/2017/04/an-interview-with-t-e-kinsey-historic.html (дата обращения: 08.09.2022)

Koussouhon L. A., Akogbeto P. A., Allagbe A. A. Portrayal of Male Characters by A Contemporary Female Writer: A Feminist Linguistic Perspective // International Journal of Advanced Research. 2015. Vol. 3. Iss. 12. P. 314–322.

Ouida. The New Woman // The North American Review. 1894. Vol. 158. Iss. 450. P. 610–619.

Schaffer T. 'Nothing But Foolscap and Ink': Inventing the New Woman // The New Woman in Fiction and in Fact / edited by A. Richardson and C. Willis. London: Palgrave Macmillan UK, 2002. P. 39–52.

References

Antsyferova O. Yu. 'Novaya Zhenshchina': Khudozhestvennyy vymysel i fakt. Liki feminizma na rubezhe XIX–XX vv. [The new woman in fiction and in fact. fin-de-siècle feminisms]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve* [Woman in Russian Society], 2003, issue 1 (2). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/novaya-zhenschina-hudozhestvennyy-vymysel-i-fakt-lik-feminizma-na-rubezhe-xix-hh-vv> (accessed 07 Aug 2022). (In Russ.)

Berlogin K. A. Treskina A. S. Svoeobrazie idey feminizma i lubvi v romane F. Sagan 'Lyubite li vy Bramsa?' [Distinctness of feminist ideas and love in the novel by Françoise Sagan 'Aimez Vous Brahms?']. *Yazyk. Kul'tura. Kommunikatsii* [Language. Culture. Communication], 2017, issue 2. Available at: <https://journals.susu.ru/lcc/article/view/521/701> (accessed 07 Aug 2022). (In Russ.)

Galatenko Yu. N. Zhenskaya literatura kak 'gender'naya maska' – k voprosu o konstruirovani tvorcheskogo sub'ekta [Women's fiction as the 'gender mask'. On the question about constructing a creative subject]. *Filologiya: Nauchnye Issledovaniya* [Philology: Scientific Researches], 2017, issue 2, pp. 77–90. (In Russ.)

Dronova O. A. Obraz 'novoy zhenshchiny' v nemetskom romane (na materiale romanov I. Koin 'Devushka iz iskusstvennogo shelka' i M.-L. Flyayser 'Frida Gayer') [The image of the 'new woman' in German novel (based on the novels by I. Koin 'Das Kunstseidene Madchen' and M. Fleisser 'Eine Zierde fur Verein')]. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy* [Social-Economic Phenomena and Processes], 2012, issue 2, pp. 170–175. (In Russ.)

Zhdanova M. O. O differentsiatsii ponyatiy zhenskaya i feministicheskaya literatura [On the differentiation of the concepts of women's and feminist literature]. *Vestnik Luganskogo Natsionalnogo Universiteta imeni Tarasa Shevchenko*. [Bulletin of

Luhansk Taras Shevchenko National University], 2020, issue 1(43), pp. 33–37. (In Russ.)

Zdravomyslova E. A. Temkina A. A. Sotsyal'noe konstruirovaniye gendera [The social construction of gender]. *Sotsiologicheskiy zhurnal* [Sociological Journal], 1998, issue 3 (4), pp. 111–122. (In Russ.)

Kinsey T. E. *Ledi na sel'skoy yarmarke* [In the Market for Murder]. Transl. from English by A. S. Petukhov. Moscow, Eksmo Publ., 2020. 380 p. (In Russ.)

Kostina E. V. Novyy vzglyad na 'novuyu znen-shchinu': povest' G. Dzheymsa 'Dezi Miller' [A new look at the 'new woman': The novella 'Daisy Miller' by H. James]. *Vestnik Mordovskogo universiteta. Seriya 'Gumanitarnye nauki'* [Mordovia University Bulletin. Series: Humanities], 2008, issue 3, pp. 313–315. (In Russ.)

Metlova T. A. Gendernaya i brachno-semeynaya problematika v britanskoj literature o novoy zhen-shchine rubezha XIX–XX vv. [The problems of gender, marriage and family in British literature about the new woman of the late 19th – early 20th centuries]. *Filosofiya i kultura* [Philosophy and Culture], 2014, issue 2(74), pp. 204–216. (In Russ.)

Musulomova T. V. Feminizm: istoki, etapy razvitiya i osnovnye napravleniya. [Feminism: its origins, stages of development and the main movements]. *Vestnik Shadrinskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta* [Journal of Shadrinsk State Pedagogical University], 2015, issue 4(28), pp. 114–120. (In Russ.)

Podryadova D. A. Feministskiy diskurs i diskurs zhenskoy identichnosti v khudozhestvennoy literature [Feminist discourse and the discourse of female identity in fiction]. *Profil'noe i professional'noe obrazovanie v usloviyakh sovremennogo polikul'turnogo prostranstva: materialy VI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Specialized and Professional Education in the Modern Polycultural Context: Proceedings of the VI International Scientific Practical Conference]. Ed. by V. B. Sharonov. Chelyabinsk, Chelyabinsk Branch of the RANEPa Press, 2018, pp. 29–33. (In Russ.)

Chesterton G. K. Oko Apollona [The Eye of Apollo]. *Izbrannye proizvedeniya v trekh tomakh* [Selected Works in three vols.]. Moscow, Khudo-

zhestvennaya literatura Publ., 1990, vol. 3. 430 p. (In Russ.)

Scherbak N. F. Feminizm v britanskoj literature: sovremennyye angliyskie pisatel'nitsy, traditsii i innovatsii [Feminism in British literature: Contemporary English female writers, traditions and innovations]. *Gertsenovskie chteniya: Sbornik nauchnykh trudov* [Herzen Readings: collection of scientific works]. St. Petersburg, Herzen University Press, 2020, pp. 376–378. (In Russ.)

Chesterton G. K. The eye of Apollo. *The Innocence of Father Brown*. New York, Macaulay Company, 1911. 334 p. (In Eng.)

Crozier-De Rosa Sh. The new woman at home and abroad: Fiction, female identity and the British Empire. *Europe's Expansions and Contractions*. Ed. by Evan Smith. Adelaide, Australian Humanities Press, 2010, pp. 237–257. (In Eng.)

Heilmann A. 'The Awakening' and new woman fiction. *The Cambridge Companion to Kate Chopin*. Ed. by J. Beer. Cambridge, Cambridge University Press, 2008, Ch. 6, pp. 87–104. (In Eng.)

Kinsey T. E. Interview with an author: T E Kinsey: an interview. By V. Mejia-Gewe. *Fan Girl Nation*, 2017. Available at: <https://fangirlnation.com/2017/10/18/interview-with-an-author-t-e-kinsey/> (accessed 08 Sep 2022). (In Eng.)

Kinsey T. E. An interview with T. E. Kinsey, historic cozy author: an interview. By E. B. Davis. *Writers Who Kill*, 2019. Available at: <https://writerswhokill.blogspot.com/2017/04/an-interview-with-t-e-kinsey-historic.html> (accessed 08 Sep 2022). (In Eng.)

Koussouhon L. A., Akogbeton P. A., Allagbe A. A. Portrayal of male characters by a contemporary female writer: A feminist linguistic perspective. *International Journal of Advanced Research*, 2015, vol. 3, issue 12, pp. 314–322. (In Eng.)

Ouida. The new woman. *The North American Review*, 1894, vol. 158, issue 450, pp. 610–619. (In Eng.)

Schaffer Talia. 'Nothing but foolscap and ink': Inventing the new woman. *The New Woman in Fiction and in Fact*. Ed. by A. Richardson and C. Willis. London, Palgrave Macmillan UK, 2002, pp. 39–52. (In Eng.)

Feminism of a ‘Weak Man’: Feminist Discourse in the Novel ‘In the Market for Murder’ by T. E. Kinsey

Taras V. Rybin

Master’s Student, Department of Foreign Literature

Kazan Federal University

2, Tatarstan st., Kazan, 420056, Russian Federation. rybint@internet.ru

SPIN-code: 6635-6070

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1193-7555>

ResearcherID: GOV-7122-2022

Ekaterina V. Zueva

Associate Professor in the Department of World Literature

Kazan Federal University

2, Tatarstan st., Kazan, 420056, Russian Federation. zuevaekaterina@mail.ru

SPIN-code: 5700-2915

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8273-8855>

ResearcherID: E-1265-2015

Submitted 28 Sep 2022

Revised 22 Oct 2022

Accepted 01 Dec 2022

For citation

Rybin T. V., Zueva E. V. Feminizm «slabogo muzhchiny»: feministskiy diskurs v romane T. I. Kinsi «Ledi na sel’skoy yarmarke» [Feminism of a ‘Weak Man’: Feminist Discourse in the Novel ‘In the Market for Murder’ by T. E. Kinsey]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2023, vol. 15, issue 1, pp. 129–138. doi 10.17072/2073-6681-2023-1-129-138 (In Russ.)

Abstract. When studying a complex phenomenon such as national identity, it seems important to consider with special care those aspects that have a tendency to change over time. An important aspect of British national identity is the British vision of the concepts of masculinity and femininity. One of the sources reflecting the way the British presently perceive the mentioned concepts is modern British literature. Remarkably, yet not unpredictably, a targeted study of works written by British authors reveals that feminist discourse plays the primary role where authors express their attitude to masculinity and femininity. In the paper, this phenomenon is demonstrated based on the analysis of the novel *In the Market for Murder* by T. E. Kinsey. We have identified and analyzed a number of feminist discourse elements in the text of this literary work. First, Kinsey introduced in his novel an antinomy of a ‘weak man’ and a ‘strong woman’, which is a fairly typical manifestation of feminist discourse. This contrast is expressed through the representation of male characters as defective and weak, and female ones, accordingly, as self-sufficient and strong. The latter ones are perceived to be even stronger, having weak males at the background. Likewise, the feminist image of the ‘new woman’, namely a progressive post-Victorian woman, is clearly expressed through the image of the main character of the novel. In addition, far from being unbiased in favor of feminism is the system of literary images in the novel. Taking into account all the aforementioned, and considering the fact of the author being a male, it proves possible to allege that the studied novel to some extent reflects the reality where the feminist paradigm occupies a dominating position in British culture and is accepted thereby as given.

Key words: British literature; masculinity; femininity; feminism; feminist discourse; new woman; Kinsey.